

Есть минута в апреле ночном
 На Страстной чудотворной неделе –
 Воскрешенье внимания в теле,
 Трепет зренья в огарке свечном.
 Это Время свершает во мгле
 Светозарное таинство Божье.
 Во вселенной сейчас бездорожье,
 В храме склянки, как на корабле.
 В мире слышен лишь колокол мглы,
 Хор заутрени в полночи Пасхи.
 Это вечность вошла без опаски
 В закоулки, подвалы, углы,
 В каждый дом человечий и гроб,
 В тишину затаенной Природы...
 Воскресают миры и народы,
 Во дворе оседает сугроб.
 Прозябают скелеты осин
 На кладбищенской мерзлой аллее,
 Где луна, как фонарик на рее,
 Купол церкви – златой апельсин.
 Водворяется Новый Завет
 В календарь обветшалый от горя,
 Запах солнца и весть из-за моря:
 Бог воскрес! Поспешите вослед.
 И вздыхает во тьме толчя.
 Прихожане земли воскресают,

ОЛЕГ ОХАПКИН
ВРЕМЯ ПАСХИ

Х. В.

Свечки красного воску мерцают,
 И вступает закон бытия.
 И в толпе начинается давка.
 Прут безбожники, встав из гробов.
 Сигаретку скурив до зубов,
 Сквернословит студентка-чернавка.
 Рядом нищенка славит Христа.
 Чуть поодаль от нищенской кружки
 Дети, Ангельский чин и старушки
 Чистым сердцем читают с листа.
 В мир иной сверхъестественный сдвиг,
 Пасха – косной природы смещение,
 Но, пока нас постигнет смущенье,
 Ход вещей водворяется вмиг.
 И когда подойдет Крестный Ход
 За псаломщика песньно гнусавой
 Тьмы свечей серафической славой
 Озарят разношерстный народ.
 Вся Россия, что есть христиан,
 К Пасхе красные свечи затеплит,
 И сквозняк всероссийский растреплет
 Гребни тьмы, теновой океан.
 В этот миг мы увидим вокруг
 Нищету озаренного мрака,
 Как притихла толпа-забияка,
 Будто радость и вправду – испуг.

И когда пришли к Елеонской горе,
Он послал двух людей, – Пойдите в селенье,
Там найдете ослицу, и с ней во дворе
Осленка. Скажите, когда появленье
Ваше странным сочтется хозяевами,
Что нужны они Господу. Будут за вами.

Эти двое пошли и вернулись тотчас,
Как сказал Он, с ослицей, и с нею осленка
Привели. Положили одежды свои
На двоих подъяремных под крики ребенка
Из селян, что столпились поодаль, дичась.
Он же сел, улыгнувшись. Животные тихо
Побрели. Впереди за Кедроном вставал
Гордый город, что, столькох почтив, предавал
Лишь пророков своих, и теперь, как шутиха,
Рассыпался пред Ним в лицемерье похвал.

Бедняки из округи стекались к дороге,
Постилали одежды в дорожную пыль.
По степи расстился в смущеньи ковыль,
В отдалении буйвол ревел кругорогий.
Солнце плавало воздух, играя в потоке,
Воспаря апрельские силы земли.
Токи времени к солнцу растенья вели.
Надвигалась Пасха на город жестокий.

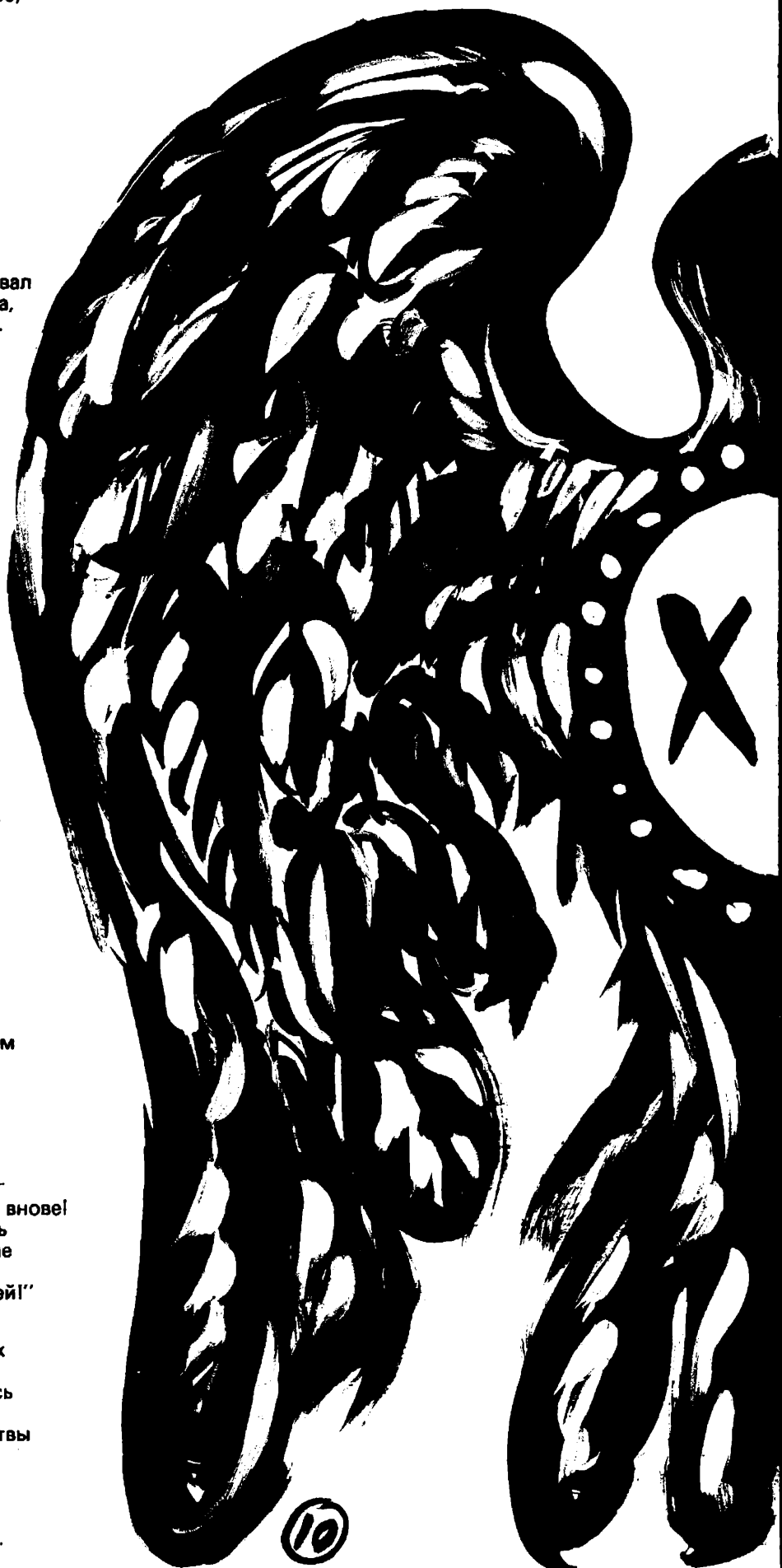
Люди ветви с деревьев обрезали пред Ним
И стелили, стелили... кричали: Осанна!
Слався, Сыне Давидов, зане осеним
Всенародно Тебя и придем кающаяся.
Ты Израилю возвращаеши знамя.
Благословен Грядый Бога во Имя!
Во Имя Господне Грядый, осанна!
Вот она – Израилю манна!

Люди встерчали Его на царство.
Но, спустившись с горы, и завидев город,
Он заплакал о нем, зная в сердце зверство
Тех, кто ныне восторжен, а завтра – Ирод,
Не иначе, каркнет пред римлян ражих:
„Кровь Его на нас и на детях наших!“
Крови! крови! осанна! распни! распни!
Иерусалиме! Голгофы огни!..

Но дорога вела к Золотым воротам.
Фарисеев толпа из народной среды
Волновалась, – Учитель, не вышло б беды!
Он сказал им в ответ: „Если б даже золотам
Запретить и умолкли, то возопиют
Камни, слышите, камни, и эти поют.“

И сказал Он: „Когда бы и ты хоть на миг
В день твой, камень сердец, город крови,
Мог узнать, что на камне развалин воздвиг
День грядущий твой образ, восставленный внове!
Если б знал ты, что служит сегодня и днесь
К миру, Храм, твоему! Но и камня на камне
Не оставят в тебе, ибо ныне и здесь
Не узнал ты свершенья судьбы твоей давней!“

И когда Он вошел в него, выгнал в сердцах
Продающих из Храма и тех, кто купились,
Говоря им: „Здесь молятся, вы же набились
Что в свинарню скоты. Или на продавцах
Дом сей держится? Сказано: Домом молитвы
Дому быть Моему. И вот этой-то битвы
Не простила Ему фарисейская спесь.
Но воитель Он был, и сказался в нем весь.“

МАРИЯ МАГДАЛИНА

Едва убийство завершилось Пасхой
И отошел Субботний день, она
Из дому вышла и пошла с опаской
Ко гробу. Обложная тишина
Сопутствовала ей. В тиши огромной
Казались деревья, как будто в них
Таилось то, что для души укромней
Её самой, настолько сад затих.
И вот, чем ближе к месту подходила,
Тем больше пуст казался впереди
Притихший сад, и пустота в груди
Грядущее собой загородила.
Разлука. Вот что пролегло в пыли.
И оттого недолгий путь казался
Безвременным. Стоял апрель. Цвели
Благоуханно кущи. Мир остался
Оставленным и отстоял вдали.
Еще недавно, не прошло недели,
Как сердце птичкой прыгало. Теперь
Нахохлилось. Пред ним закрылась дверь
В тот светлый мир, откуда грусть потерь
Доносится, точь в точь сквозняк из щели.
С тех пор в душе стемнелось. Пред ней,
Едва блеснув, затмился день навеки.
Давно ль с нее сходило семь теней –
Одна темней другой... С тех пор на веки
С ресниц спустился край багряной тьмы.
И вот в очах от слез, как от сурьмы.
Бредет в потьмах недобрых глаз подальше,
Не зная где теперь Его найти.
Ведь если есть куда еще идти,
То лишь туда, где Он молил о Чаше
И в гроб сошел по крестному пути.
И что же видит бедная? Отвален
Тяжелый камень от гробницы. Что ж,
Теперь и в гробе правды ни на грош,
Теперь душа и вовсе у развалин.
Бежит к ученику Его, к Петру,
И к юноше тому, кого любил Он.
И, растолкав обоих поутру,
Зовет их за собой, простоволоса,
Опять туда, где нет уже ни Спаса,
Ни Господа... Кто это сделал, Симон?
Но тот молчал, и разве шаг замедлил
Вслед тому, кто впереди бежал.
На сквозняке масличный лист дрожал,
И вдруг упал. И Петр, нагнувшись, поднял
Его с земли, и, повертев, пустил
Обратно в пыль. Вопрос его смутил.
А тот, кто впереди, ко гробу первый
Пришед, нагнулся и увидел: там
Лежали пелены... и прочь отпрянул.
Не знаю, что увидел он тогда,
Но думаю, что что-нибудь да видел,
Хотя бы в складках, а точнее в том
Как жутко шли они, подобно волнам
На море Галилейском, а по ним...
Во всяком случае Он отошел от гроба.
Тогда стояли сумерки, и он,
Тот ученик, увидеть мог такое,
Что отшвырнуло человека прочь,
И, если человек я, ужаснуло.
Там в сумерках лежала Плащаница.
Чуть шевеля листву, стояла ночь.
И вот за ним приходит Петр и входит
Во гроб, и там находит пелены
И плат особо свитый – тот, что сам он
Запомнил на главе Его. На нем
Подсохла кровь, но плат лежит теперь
Сам по себе, как хочешь, верь не верь.

Тем временем за ним вошел и тот,
Кто первый глянул и в смущеньи от
Гробницы отскочил, дрожа всем телом.
Сейчас его лицо бледнее мела
Белело так, что в сумерках его
Могли принять за призрака. И точно,
Он здесь стоял почти уже заочно
И кроме волн не помнил ничего.

Он вспоминал потом, что понял все,
Едва увидел это море складок
И этот плат, который свыше сил
Увидеть было. Вызывали страх
Не пятна крови, но льянные волны.

Все осмотрев, ученики в смущеньи
Ушли к себе. Мария же одна
Осталась там и, подойдя поближе,
Тихонько плача, встала близ рядна
Белевшего в отверстие гробницы,
И, наклонившись, видит сквозь ресницы
Двух Ангелов, сидящих там внутри:
Один у изголовья, а в изножье
Другой, и оба в белом... Чудо Божье.

И слышит Магдалина: говорят,
И тихо-тихо так у ней спросили:
Что плачешь, жено? И она в ответ:
Вот я пришла, и Господа здесь нет,
И не узнать, где тело положили.

Сказав сие, заплакала навзрыд
И отвернулась прочь. И вот сквозь слезы,
Тоскуя, видит: человек стоит.
И, не узнав стоящего у лозы,
Решила, что садовник перед ней,
Настолько взор ей застила утрата.

Кото ты ищишь, жено? – слышит ей
Он говорит. И вот вполоборота
Она Ему: Скажи мне, господин,
Куда ты положил Его? Один
Ты ходишь здесь. Сведи меня к Нему!
Пойдем туда, и я Его возьму.

И Он тогда позвал ее: Мария!
И та Ему: Господь мой! Раввуни!
Душа моя, когда бы не умри я,
Не плачь по мне седой Иеремия,
Мы встретелись бы так же, как они!
Но Он сказал в ответ: Не прикасайся
Ко Мне! Еще Я не был у Отца.

Мой путь еще не пройден до конца.
Пойди и братьям обо всем откройся!

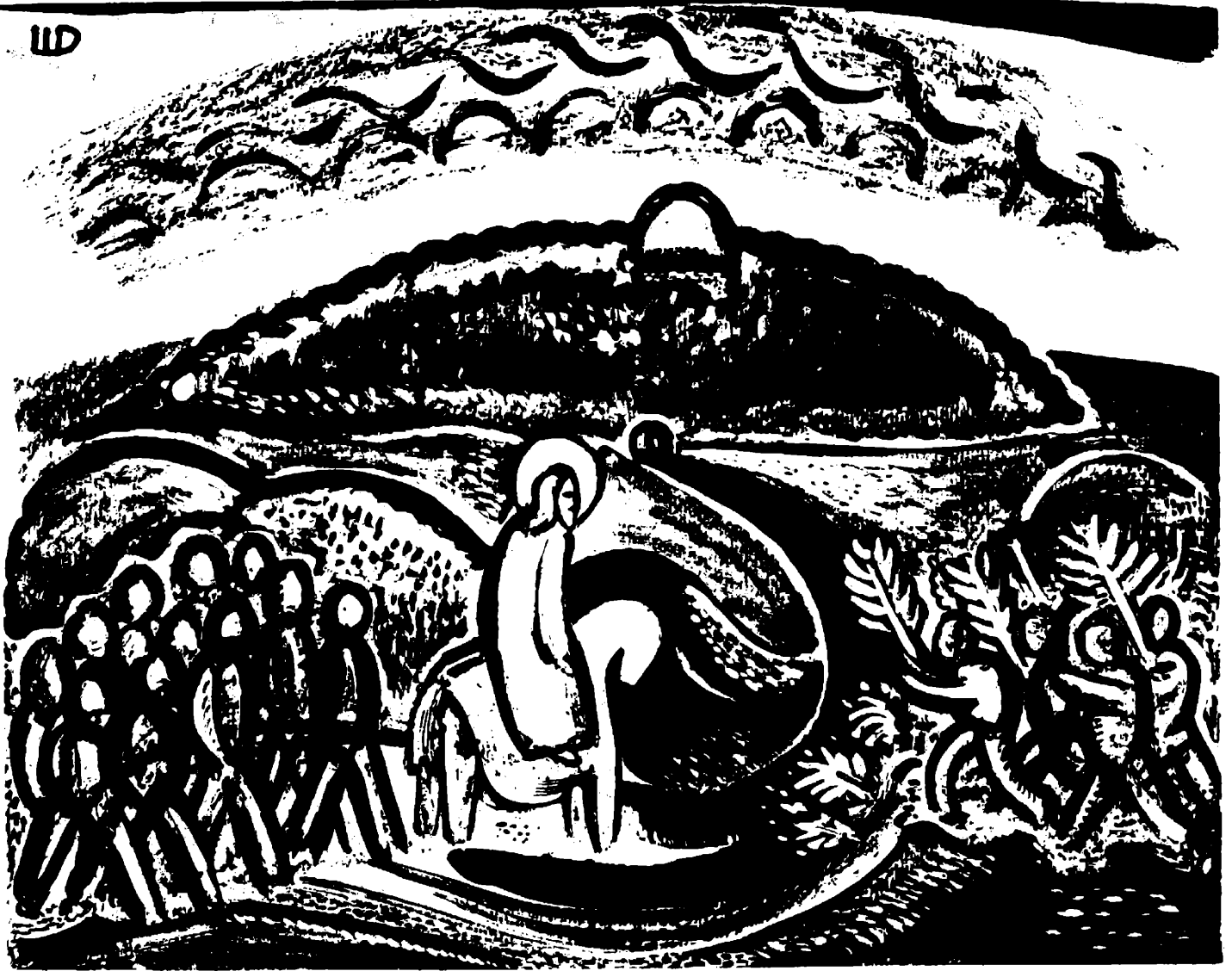
И, сделав, как велел Он, принесла
Благую весть ученикам. Но что же
Сказал Фома? – Не рана заросла –
Тропа туда, где умер я, мой Боже!

Мы все, ученики Его, в тот день
Осилить не могли второй разлуки,
Когда Он к нам вошел – не то, что тень,
Но в ранах весь, что осязали руки.

Не мудрено Марии не узнать
Воскресшего, когда за это время
Никто из нас так и не смог поднять
Его креста немислимого бремя.

Лишь много позже волею небес,
Что и предрек Он, крестную кончину
Осилить довелось. Тогда причину
И понял я: Воистину воскрес.

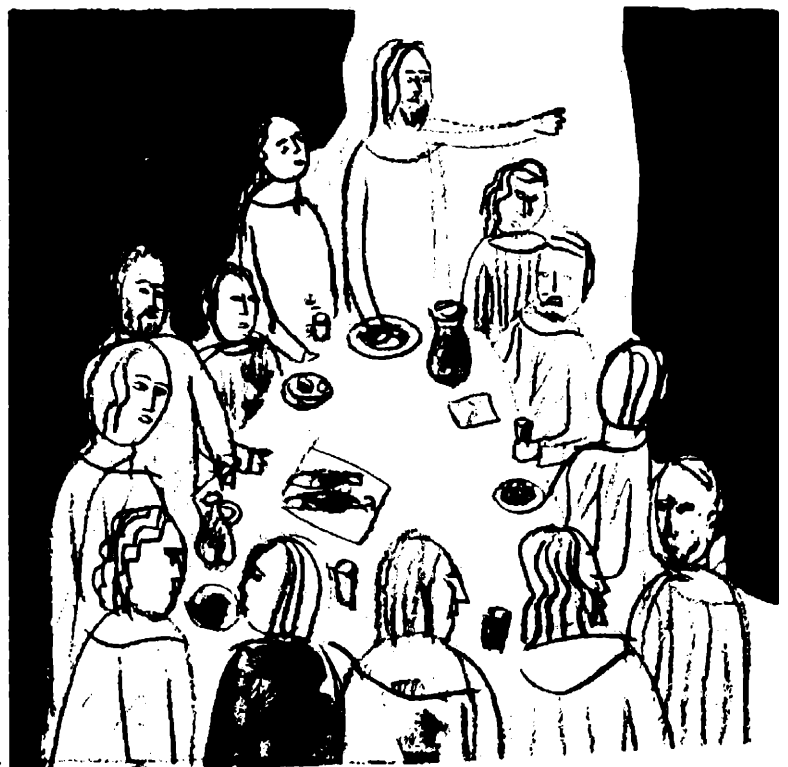
Но с Магдалиной всем нам предстояло
Боль перенести уже в который раз.
Он если и ходил тогда среди нас,
То нас-то, нас при Нем уже не стало.
Пока не пробил Воскресенья час.

Д.Шагин. "Вход Господень в Иерусалим"

Д.Шагин. "Гефсемания"

Р.Васми. "Тайная вечеря"

ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВ

Посвящаю Марии – дочери.

Трещит рождественский мороз,
Окошко, как в слюде,
Карниз сосульками порос –
Весь в длинной бороде.

Скорее зажигайте свечки,
Да не свалите ель,
Пускай, как искры в печке,
Сверкает канитель.

Подайте нам варенья,
Разлейте всем сбивень –
Сегодня день рожденья,
Христа-младенца день!

Явился наш Мессия,
Простой мальш, как все,
Упрятала Мария
Его в хлеву, в овсе.

С небес звезда смотрела
Сквозь обветшалый кров.
В яслях младенца грело
Дыханье коров.

Волхвы, цари, весталки
На ту звезду пошли
И к Рождеству подарки
Иисусу принесли.

Бананы и гранаты,
И манго терпкий сок,
Кораллы, бриллианты
И золота мешок.

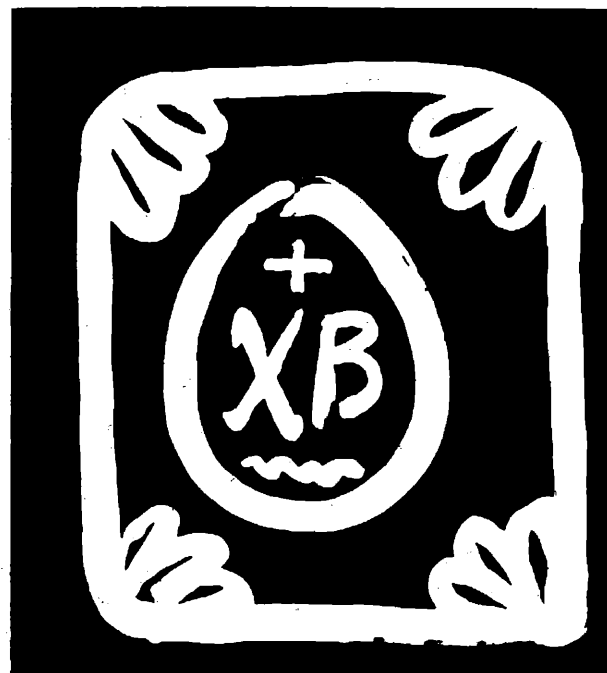
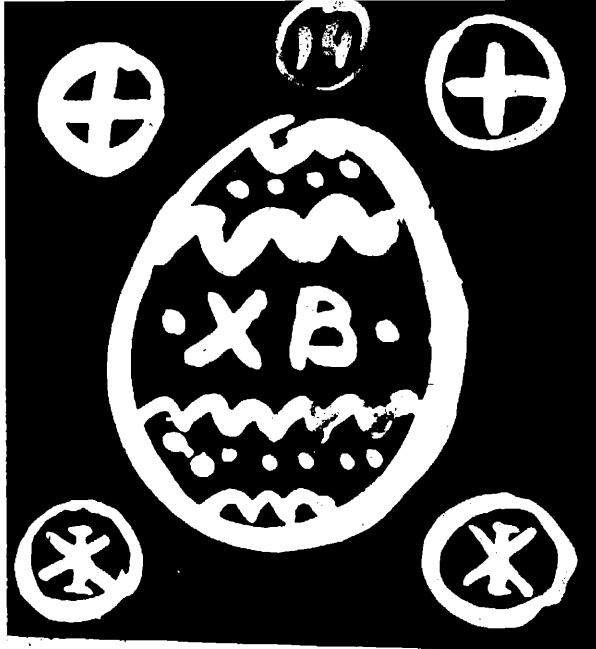
И привели с собою
К Нему слонов больших,
Ягнят, коней в пополах
И даже львов ручных.

Был настоящий праздник,
И пир, и бой зверей.
И слух разнесся сразу:
– Родился Царь Царей!

Той вестью пораженный,
Царь Ирод оробел...
Он всех новорожденных
В тот день убить велел.

Своих сатрапов резвых
Послал во все места –
Мальчишек перерезать,
А вместе и Христа.

Железные запоры
Срывали палачи,
Врывались в дом, как воры
При солнце и в ночи.

||利||

Мальчишка ли, девчонка,
Никто не разбирал,
Лежит малыш в пеленках,
Да так и погибал.

Мария и Иосиф
С ребенком на осле
Нашли, лачугу бросив,
Приют в чужой земле.

– А золото! Подарки!
Мотки жемчужных бус? –
– Все бросили: не жалко,
Остался бы Иисус.

Из клеток отпустили
На волю всех зверей,
Христа платком укрыли
И скрылись поскорей.

Идти опасно было,
Скакал в лесу отряд,
Но лапками укрыла
Их елка от солдат.

Дала та ель спасенье
И кров семье святой.
Поем мы в День Рожденья
О елочке простой:
„В лесу родилась елочка,
В лесу она росла
И много, много радостей
Детишкам принесла”.

Вверху звезда сверкает,
А это крест, смотри,
И свечки польхают,
Их ровно тридцать три...

Царь Ирод безобразный
Истлел давным-давно.
Едим мы торт на праздник,
Пьем сладкое вино.

И, поднимая чаши,
Поем мы о Христе,
Как за грехи Он наши
Был распят на кресте.

Закрывает скалой в пещере,
А поутру исчез...
Христос воскрес, мы верим!
Воистину воскрес!!!

О, дай, Иисус, нам счастья
И исцеленья дай,
Спаси нас от напасти
И вознеси нас в рай!

Кресты. Декабрь 1989 г.

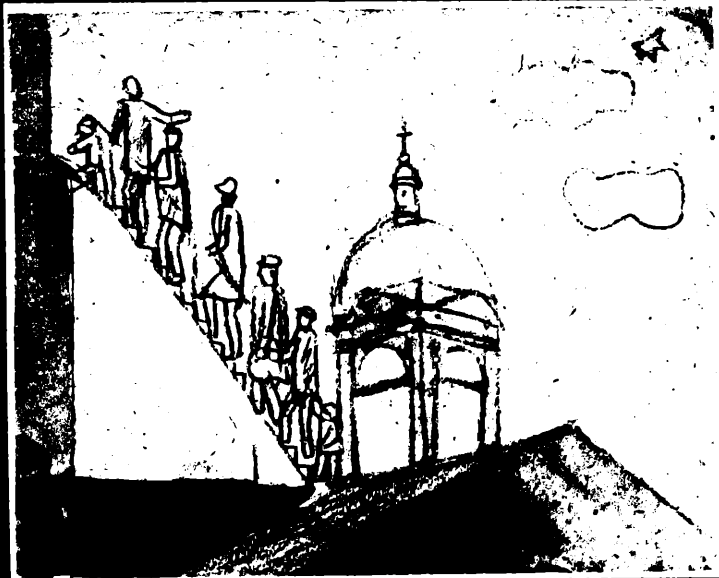
МИТЬКИ – ДЕТЯМ

利利

Рисунки В.Голубева, А.Филиппова

Есть тайный храм, где каждый – званный,
Кругом медвежий край – леса,
А в храме том поют „Осанну“
И плачут чьи-то голоса.

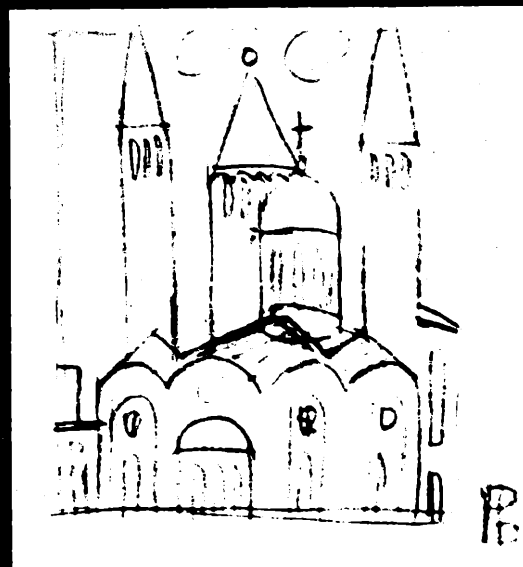

Весь мир на тысяче наречий
Тот храм по-разному зовет,
Но ясен взор и прямы плечи
У всех, кто крест его берет.

Чей Бог – един, и Он есть Слово,
Гонимый более других,
Он жить не станет в храмах новых,
Ему смешон убогий стих.

Корявых песен новых хамов,
Их мысли грязны, как скопцы ...
Но есть рунические храмы,
Есть Бог и есть Его жрецы.

Он есть. Огни его не ярки,
Не всем видны, но есть еще,
И циклопические арки,
Повиты хмелем и плющем.

Стихи Роальда Мандельштама
Рисунки Рихарда Васми

Рисунок Д. Шагина

Учредители – художники группы "МИТЬКИ"

Главный редактор – Василий Голубев

Ответственный редактор – Юрий Молодковец

Адрес: Санкт-Петербург, 192289, а/я 246

Тираж 1000 экз.

Спонсор ГП "ПОЛЭКС"
Полиграфические
и коммерческие услуги
Тел.: 218-83-44, 218-83-12

